

относится к исторической. «Исторические орфограммы – это буквы, обозначающие фонемы в сильной или слабой позиции, выбор которых осуществляется с опорой на знание исторических фактов или процессов, происходящих в фонетической системе русского языка» [2, с. 3]. В русском языке действует правило: жи и ши пишется с буквой и, которое следует запомнить: *жизнь, жираф, шитьё, шиповник, шило*.

В современном белорусском языке в данном случае действует фонетический принцип, согласно которому необходимо писать после ж и ш букву ы: *жыццё, жырафа, шыццё, шыпына, шыла*.

На основании выполненного анализа можно сделать вывод, что фонетический принцип является основным в орфографии современного белорусского языка, в то время как использование его в русском языке в настоящее время весьма ограничено. Это, несомненно, является препятствием при изучении белорусами русского языка и формировании русской орфографической грамотности в условиях русско-белорусского двуязычия. Таким образом, необходимо проводить детальное сопоставление данного русского и белорусского орфографического материала на уроках русского языка, что будет способствовать повышению уровня орфографической грамотности белорусов.

Список использованных источников

1. Боженко, Л. Н. Теория современной русской орфографии как основа обучения правописанию / Л. Н. Боженко // Русский язык и литература. – 2014. – № 4. – С. 3–14.
2. Боженко, Л. Н. Теория современной русской орфографии как основа обучения правописанию / Л. Н. Боженко // Русский язык и литература. – 2014. – № 9. – С. 3–15.

This article analyzes the causes of difficulties in mastering Russian spelling in the conditions of Russian-Belarusian bilingualism. The principles of modern Russian and Belarusian spelling are considered.

УДК 811.161.1'42'242:821.161.1 – 191*И.А.Крылов

«БАСНЯ КРЫЛОВА» В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Р. Д. Алейник, Е. В. Ничипорчик

В статье описывается функционирование сочетания «басня Крылова» в речи носителей русского языка. На материале текстов Национального корпуса русского языка определен состав басен Крылова, к которым обращаются

носители русского языка в связи с рефлексией на те или иные ситуации; способы отсылки к басням-претекстам с авторской атрибуцией, коммуникативные намерения продуцентов речи, использующих сочетание «басня Крылова» в качестве маркера актуализации интертекстуальных связей.

В повседневном общении, в беседе или полемике человек нередко обращается к мудрости предыдущих поколений. Люди ассоциируют имена знаменитых ученых, писателей и поэтов с их достижениями и заслугами, иногда такие ассоциации «оседают» в языке.

Всем русскоговорящим людям с детства известны басни Крылова. Широкая известность баснописца послужила основанием для образования в сознании носителей русского языка достаточно стойкой ассоциативной связи слова *басня* с именем Крылова. Об этом свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ [1]): из 2237 употреблений (в том числе и в переносном значении) слова *басня* в Основном корпусе в 258 контекстах оно сочетается с именем Крылова, что составляет 11,5% от общего числа вхождений слова *басня* в НКРЯ. Для сравнения приведем в процентах удельный вес сочетаний слова *басня* с именами других баснописцев: с именем Эзопа – 1,7 %; Лафонтена – 1,5%; Михалкова – 0,3%. Высокая степень предсказуемости ассоциативной связи слова *басня* в сознании носителей русского языка со словом *Крылов* позволяет воспринимать данное сочетание как коллокацию (под коллокацией в широком смысле понимается «комбинация двух или трёх слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [2, с.135]). Сочетание же *крыловская басня* из-за сниженной коннотации значительно уступает по частотности употребления в текстах НКРЯ словесному комплексу *басня Крылова*: в Основном корпусе отмечается только 30 вхождений этого сочетания, в Газетном – 15 вхождений.

Наблюдения над употреблениями сочетания *басня Крылова* в текстах НКРЯ показывают, что данное сочетание реализуется в двух основных функциях:

1) репрезентативной – для обозначения басен Крылова как собственно предмета речи, рассматриваемого вне прямого или косвенного соотношения с их содержанием: *Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противоречит нами сказанному* (А. Пушкин. Опровержение на критики (1830)); – *Я ещё могу басню Крылова и матросский танец «Яблочко», – с подобострастной готовностью предложила я* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)); в таких контекстах слово *басня* используется в значении литературного произведения вообще;

2) метаязыковой – для маркирования в сочетании с другими языковыми средствами отсылки к содержанию басни Крылова (к содержанию прецедентного текста, имеющего конкретного автора), в том числе для обозначения «перехода» от «языка» продуцента речи к «языку» автора прецедентного текста: *Мусорный улов – это все, что ваши читатели узнали о нынешнем юбилейном Блоковском празднике поэзии! В лучших традициях басни Крылова, слона, как водится, не заметили* (Можно ли приватизировать великого поэта? (2001) // «Известия», 2001.08.24); *Тут не было злого умысла или сознательного кощунства, а просто все случилось по пьяному делу. В басне Крылова про повара-грамотея тоже было сказано: «Он набожных был правил, а в этот день по куме тризну правил», а по сему случаю напился пьяным. Но он делал выговор коту совершенно přátельски, не пугая кота, так что тот продолжал и при поваре «убирать» курчонка* (Митрополит Вениамин. На рубеже двух эпох (1940–1950)). Мы используем понятие «метаязыковая функция» при описании сигналов включения в текст прецедентных единиц вслед за В. Хлебдой, который еще в начале 90-х годов прошлого века предложил рассматривать кавычки и метаоператоры типа *как говорят, как говорится, как это принято называть, как говаривали наши предки, по любимому выражению журналистов, говоря словами наших политиков* и др. (исследователь называет их также «метаязыковые операторы») в функции выделителей фразем и «сверхлексемных единиц языка» в корпусных данных [3, с. 151–152]. В настоящее время термин «метаоператор» активно используется во фразеологии, паремиологии, корпусной лингвистике для обозначения маркеров включения в речь прецедентных единиц, в том числе маркеров, указывающих на авторскую принадлежность (авторскую атрибуцию) прецедентного текста, к которому обращается продуцент речи [4; 5; 6; 7 и др.].

Какие же именно басни Крылова приходят на ум носителям русского языка и что вообще побуждает продуцентов речи к употреблению сочетания *басня Крылова* в метаязыковой функции?

Анализ материала показал, что список басен, обращение к которым фиксируется в НКРЯ с метаоператором *басня Крылова*, представлен 34 позициями. Наиболее частотными оказались: «Лебедь, Щука и Рак» (12 употреблений); «Ворона и Лисица» (7 употреблений), «Кот и Повар» (4 употребления). Басни «Волк и Ягненок», «Любопытный», «Пустынный и Медведь», «Лисица и виноград» с авторской атрибуцией упоминаются три раза; «Мартышка и очки», «Листы и корни», «Стрекоза и Муравей», «Щука и Кот», «Лев и Мышь» – по два раза. О 22 баснях речь идет с использованием метаоператора *басня Крылова* лишь единожды: «Воспитание льва», «Два Голубя», «Свинья под дубом», «Квартет», «Крестьянин и Работник», «Кукушка и Петух», «Лев состарившийся»,

«Щука», «Лисица и Сурок», «Лягушка и Вол», «Мот и Ласточка», «Оракул», «Орел и Куры», «Свинья», «Собака», «Сочинитель и Разбойник», «Слон и Моська», «Журавль и Цапля», «Волк на псарне», «Котел и Горшок», «Трудолюбивый Медведь», «Три мужика».

Обращает на себя внимание то, что самой востребованной оказалась басня «Лебедь, Щука и Рак». Популярность этой басни подтверждается и другими данными: в Основном корпусе фиксируется в общей сложности (в том числе и без метаоператора *басня Крылова*) 49 контекстов (55 вхождений), в которых употребляются имена персонажей этой басни; а в Газетном корпусе – 70 контекстов (75 вхождений); ставшее крылатым басенное выражение *воз и ныне там* в Основном корпусе встречается в 64 контекстах, в Газетном – в 222. Если учесть эти цифры, а также тот факт, что при жизни И. А. Крылова эта басня тоже была очень популярна, можно прийти к выводу, что ценность единства, согласованности членов того или иного сообщества в русской культуре высока, потому столь частотны оценочные рефлексии на отсутствие этого единства. Будем надеяться, что разобщенность в коллективах все же не является приметой сегодняшней действительности.

Остальные персонажи и сюжеты басен оказались менее востребованными в речи: так, упоминание персонажей басни «Волк и ягненок» фиксируется в Основном корпусе 29 раз, «Ворона и Лисица» – 19. Выражение *А Васька слушает, да ест* (из басни «Кот и повар») характеризуется только 11 вхождениями в Основной корпус и 18 вхождениями в Газетный корпус. Возможно, такие категории, как «сила», «лесть», «проницательность» менее «обсуждаемы» носителями русского национального сознания.

Сочетание *басня Крылова* формирует разного отсылки к конкретным басням. Для переключки нового текста с басней, выступающей маркированным по своей авторской принадлежности претекстом, используются следующие приемы:

1) упоминание имени персонажа / персонажей басни: *Кажется, что все с подковыркой, с тайным смыслом, как в басне Крылова про стрекозу и муравья* (М. Елизаров. Pasternak (2003)); *Ситуация в нынешнем российском правительстве больше всего напоминает басню Крылова про лебедя, рака и щуку* (М. Ростовский. Трое в лодке, не считая народа // «Московский комсомолец», 2003.01.11).

2) упоминание названия басни: *Впрочем, другие участники конференции активно поддержали идеи Степашина, сравнив ситуацию с басней Крылова «Лебедь, рак и щука»* (Л. Новиков. Министерство госконтроля. Сергей Степашин хочет быть главным в чиновном Интернете // «Известия», 2002.02.14); *И чем-то напоминает сюжет*

известной басни Крылова «Кукушка и петух» (Ю. Рахаева. Другой «Юрий Милославский». Книги недели // «Известия», 2002.08.21);

3) воспроизведение фабулы / эпизода басни, т. е. повторение при обозначении окказиональной ситуации содержания / части содержания басни:

- с использованием языковых кодов из прецедентного текста: *Они существуют только из-за грандиозных целей. Это, извините меня, басня старика Крылова. Жрут методы-жёлуди и рылом подрывают корни дуба, на котором эти жёлуди растут...* (Ф. Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996); *Фофан, мне показалось, раздувался, как лягушка, та самая, из басни Крылова, которая решила сравниться в толщине с быком* (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002));

- с синонимической заменой использованных в басне кодов: *Израильское общество напоминает мне известную телегу в басне Крылова, которую тащат в разные стороны представители всех этнических и социальных групп* (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013);

- с контаминацией синонимических замен и языковых кодов из прецедентного текста: *И здесь у самого ручья, Совсем как в басне у Крылова (Хочу я в скобках вставить слово), Осел увидел Соловья и говорит ему* (А. Козлов. Козел на саксе (1998)); *Это царствование напоминало басню Крылова «Оракул»: жрецом, сидевшим во внутренности пустого кумира, был Ришелье; Людовик XIII превосходно играл роль истукана – пустого, бездушного или, выражаясь точнее, душою которого был кардинал Ришелье...* (К. Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871));

В некоторых случаях отсылка к тексту басни может «держаться» на двух, трех словах, тонко намекающих на прецедентную единицу, и сильно отличаться от развернутых реминисценций: *В том давнем сюжете важно не то, что у Сергея Боровикова, Михаила Золотоносова, Аллы Марченко, Виктора Топорова и Сергея Чупринина были противоположные прозаические симпатии, а то, что у них были очень мощные общие чувства к определенным поэтам. – Иными словами, всех объединил Виктор Соснора? – И он, и Светлана Кекова. Не знаю, насколько члены того жюри были персонажами басни Крылова, – я разговаривал по крайней мере с тремя из них, и никто особенно на коллег не сетовал* (Ю. Рахаева. А. Немзер: «Безответственные решения плохи в любой премии» // «Известия», 2002.11.12);

4) цитация:

- с использованием кавычек: *Один из его фельетонов был сплошь написан излюбленными редактором фразами, поговорками, цитатами: «Уж сколько раз твердили миру», – начинался фельетон стихом басни*

Крылова, и, перечислив избитыми словами все то, о чем твердили миру, Робинзон меланхолически заканчивал перечень: «А Васька слушает, да ест» (М. Горький. Жизнь Климса Самгина. Часть 2 (1928));

• без кавычек: (Абрамыч, nick) Рынок вниз, а голдуха вверх – 1217, 46 (+0, 79%) В пнд. золотодобытчики, предположительно, вверх! (Mbvani, nick) 1729, 75 1065 – 14, 685% это действительно крутая бумага? (mihas777, nick) как в басне Крылова. Уж сколько раз твердили миру.... акции рентабельных золотодобывающих компаний на рынке – бред сивой кобылы (коллективный. Форум: Золото Якутии :) (2010));

5) контаминация названных выше приемов: Не учитываем так называемый фактор адресата: вспомним басню Крылова «Кот и повар» – весь риторский запал повара израсходован впустую: «А Васька слушает, да ест!» (О. Семенец. А Васька слушает, да ест! Риторика, или искусство говорить как путь к успеху // «Наука и жизнь», 2008); Жуковский отвечал, что это похоже на услугу медведя в басне Крылова; медведя, который, сгоняя муху, «хватит друга камнем в лоб!» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти (1869)).

Обращение носителей русского языка к басням Крылова как претекстам мотивируется, как правило, желанием продуцента речи выразить небеспристрастное, оценочное отношение к окказиональной ситуации в сопоставлении с прецедентной ситуацией, дать характеристику, оценку действиям / поведению того или иного лица, группы лиц в сопоставлении с действиями / поведением того или иного басенного персонажа / басенных персонажей.

Наблюдения показывают, что в большинстве случаев средством выражения оценочного отношения при актуализации связи нового текста с басней-претекстом является аналогия. Аналогия, как правило, способствует усилению критического, иронического отношения к тому, что подлежит описанию в тексте. Наиболее типичным для выражения значения сходства является употребление структур с союзом как. Чаще всего сравнительный оборот / придаточная сравнительная часть включает имя персонажа / персонажей басни, т. е. сравнению подвергается действие / поведение какого-либо лица / лиц с действиями / поведением персонажей басни: как ворона / голубь / лягушка / лисица / лебедь, рак и щука в басне / из басни Крылова; как в басне Крылова про...: «Звезды», как лебедь, рак и щука в басне Крылова, устремлены в разные стороны, не желая подчинять свои актерские индивидуальности требованиям пьесы (И. Куликова. Режиссерская «культура» в стране доллара // «Советское искусство», № 19 (1159), 1949); Несказанно польщенная, совсем как ворона в басне Крылова, я немедленно соглашаюсь, что это я

и есть, нетвердо при этом зная, чем я так знаменита (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)).

Активно используются для проведения аналогии между окказиональной ситуацией и ситуацией, представленной в прецедентном тексте, структуры с глаголом *напоминать* (*напоминает басню Крылова / сюжет басни Крылова / ситуацию / телегу / ... в басне Крылова*): *И при этом слушание дела в Московском городском суде очень напоминает ситуацию, описанную в басне Крылова: «А Васька слушает да ест»* (И. Шадаев. Нет смысла рассуждать о законе // «Однако», 2010); *вспомнить* (*невольнo вспоминается / вспомним басню Крылова*): *Но лишь дело коснется рассмотрения состава предложения и начнется приведение примеров, между коими попадетя на грех безличное предложение, тогда наши составители учебников грамматики поднимут такую разноголосицу, что невольнo при этом вспомнишь басню Крылова про лебедя с братией* (А. Дмитриевский. Практические заметки о русском синтаксисе, II // «Филологические записки», 1877); *реже структуры сравнить ситуацию с басней Крылова; вести себя в соответствии с басней Крылова; похож на ... в басне Крылова, по аналогии с ... из басни Крылова: Очевидно, он догадался, что ответ Самуила Ароновича был бы похож на ответ волка ягненку в знаменитой басне дедушки Крылова* (В. Рецепттер. Ностальгия по Японии (2000)).

Значительно реже окказиональная ситуация представляется как не сходная с басенной, а противоположная ей. Актуализация ассоциативной связи окказиональной ситуации с прецедентной осуществляется в таком случае в изобразительных целях: *Власть рассредоточилась. Ее очажки то вспыхивали, то едва тлели в трех кабинетах: Вадима, Альберта Авдеича и парторга, объединившегося с плановичкой, с главным бухгалтером и с редакционной завшей, женой политически активного космонавта. Но вопреки басне Крылова, воз тащился и даже не скрипел. Каждый понедельник начинался с азартного обсуждения кандидатуры будущего директора...* (О. Новикова. Женский роман (1993)).

Иные структуры, маркирующие интертекстуальные связи: *намек на басню Крылова, в традициях басни Крылова, это басня Крылова, – представлены эпизодично: Причем забавно было сделано – сыр раздавала Нина Семеновна Остерлихер, сестра барона, одетая в виде вороны, что дало такой комический намек на басню Крылова* (С. Юрский. Осенний бал (1993)).

Наблюдения также показывают, что выражение оценки поведения людей, ситуации, сложившейся в результате ошибочного поведения кого-либо, с отсылкой к басням Крылова может осуществляться в разных коммуникативных регистрах: констативном, рогативном и

волюнтативном; сравн.: *Сюда, по истине, представительные учреждения внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада, напоминающую басню Крылова «Мартышка и очки»* (К. Победоносцев. Московский сборник (1896)); *Почему листья должны себя считать привилегированнее корней, без которых, по выражению известной басни Крылова, «не стало бы ни дерева, ни листьев»?!.* (А. Корнилов. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве (1903)); *Не мешало бы некоторым литературным начальникам почаще перечитывать басню Крылова «Пустынник и медведь»* (Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003).

Как видим, сочетание *басня Крылова* в своей метаязыковой функции служит авторской атрибуции прецедентного текста и выступает связующим звеном между окказиональной и басенной ситуацией, актуализация связи между которыми способствует выражению небеспристрастного отношения продуцента речи к лицу или лицам, чье поведение подобно поведению басенных персонажей, а также к окказиональной ситуации в целом, подобной той, что подлежит критической оценке в басне.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа : 04.02.2019.
2. Захаров, В. П. Анализ эффективности статистических методов выделения коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Диалог 2010: мат-лы конф. по компьютерной лингвистике. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 135–143.
3. Chlebda, W. Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy / W. Chlebda. – Opole, 1991. – 198 s.
4. Даниленко, Л. Интертекстуальные реляции паремий / Л. Даниленко // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М. : Изд-во ЭЛПИС, 2005. – С. 47–51.
5. Гомонова, И. Г. Исследование паремиологических единиц с использованием материалов Национального корпуса русского языка / И. Г. Гомонова // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина : сб. науч. ст. Вып.1 / В. И. Коваль (ответств. ред.) (и др.); М-во образования РБ, ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 108–112.
6. Гомонова, И. Г. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий / И. Г. Гомонова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2018. № 1 (106). – С. 54–58.
7. Хлебда, В. Метаоператоры в функции поисковой системы в обработке ресурсов Рунета для лексикографических целей / В. Хлебда // Rossica olomucensia. – Olomouc, 2010. – Vol. XLIX Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2. – С. 57–66.

The article describes the functioning of the combination “Krylov's fable” in the speech of the speakers of the Russian language. Based on the texts from the National

Corpus, the composition of Krylov's fables is determined, to which native Russian speakers refer in connection with reflection on certain situations ways of referring to pretext fables with author attribution; communicative intentions of speech producers using the Krylov's fable as a marker of the intertextual connection actualization.

УДК 811.161.1'42'373:2-13:821.161.1'06-1

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Е. Ф. Асенчик

В статье анализируются особенности индивидуально-авторского преобразования лексики сакрального характера в поэтических текстах современных русскоязычных поэтов, выявляются характерные модели трансформации значений лексем Бог, Всевышний, Господь, Отче.

Современная европейская цивилизация построена на разделении религиозных и светских сфер человеческой жизни. Однако по своей природе человек принадлежит к двум мирам – профанному и сакральному, и, как отмечал Мирча Элиаде, мирское существование никогда не встречается в чистом виде, оно обязательно «сохраняет в себе следы религиозных оценок мира», что, несомненно, отражается в языке [1]. Явная противопоставленность в современном языке понятий «мирское» и «священное» при лингвистической реконструкции соответствующих лексем указывает на их внутреннее единство. Как и в других оппозициях, одно всегда предполагает наличие другого, определяется через свою противоположность, являясь тем самым частью единого целого.

Лексика, вошедшая в язык из церковнокнижной сферы (её традиционно принято называть латинским по происхождению термином *сакральная*), широко использовалась и используется в разных жанрах литературного языка, и это позволяет ей оставаться значимой в современном мире и не уходить в пассивный запас языка.

В широком же смысле *сакральное* – это всё имеющее отношение не только к Божественному, религиозному, небесному, но и вообще потустороннему, иррациональному, мистическому, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений. Вероятно, именно элемент необычности, таинственности, мистичности, многоплановости сакральной лексики всегда привлекал поэтов: практически невозможно назвать ни